

СТАРОДУБЦЕВА Лидия Владимировна / Lidia STARODUBTSEVA

| Медиум и дистанция |

СТАРОДУБЦЕВА Лидия Владимировна / Lidia STARODUBTSEVA

Украина, Харьков.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина.
Заведующая кафедрой медиа-коммуникаций. Профессор, доктор философских наук.
Директор Центра медиа-коммуникаций и визуальных исследований.

Ukraine, Kharkov.

V. N. Karazin Kharkov National University. Chief of Media & Communications Department.
Professor, PhD, Director of the Center of Media Communications and Visual StudiesLethe@ukr.net

МЕДИУМ И ДИСТАНЦИЯ

Как связаны между собой концепты «медиа» и «дистанция»? Призваны ли «медиаальные оболочки» сознаний снимать дистанцию между познающим и познаваемым или, напротив, становиться способом ее артикуляции? Смысл «дистанции» неизбежно двояк: она столь же разъединяет, сколь и со-единяет. И, с этой точки зрения, дистанция — *conditio sine qua* поп феномена медиаальности как такового. Пространство наших размышлений задано тремя смысловыми точками, две из которых связаны с аллюзиями, зашифрованными в самом словосочетании «медиаум и дистанция» (эссе Фрица Хайдера «Вещь и Медиум» и книга Жана-Люка Мариона «Идол и Дистанция»), третья — с беньяминовским определением ауры как «уникального ощущения дали, как бы близок при этом рассматриваемый предмет ни был». Разрушение ауры в «эпоху технической воспроизводимости» порождает эйфорию тотального снятия дистанций: пространственных, временных, сознательных — и в который раз возвращает нас к опытам рефлексий над проблемой дальности, которая сближает, и близости, которая отдаляет. Здесь нельзя не вспомнить ту линию философствований о метафизике дистанции, что прочерчена от рассуждений Серена Кьеркегора о странной акустике духовного мира, в котором совпадают удаление и приближение («Болезнь к смерти»), до парадоксальных пассажей Мартина Хайдеггера: «Далекое хранимо близостью», «Что такое близость, если вместе с ее отсутствием куда-то делась и даль?» («Вещь»). Впрочем, старомодный возвышенный пафос размышлений о «дистанции» сегодня все чаще уступает место удушливым редукциям и спекуляциям мира «человеческого, слишком человеческого». Одним из главных вопросов донельзя «медиализованного», «виртуализированного» и «дигитализированного» сознания начала XXI столетия, погруженного в опасную иллюзию близости и доступности знания, становится вопрос о (не)возможности хранить спасительную дистанцию: «хранимую» и «хранящую», непреодолимую дистанцию между слышащим и слышимым, видимым и видимым, мыслящим и мыслимым.

Ключевые слова: медиум, медиа, медиаальное, дистанция, приближение, удаление, разрушение ауры

Medium and Distance

How are the concepts of “media” and “distance” related? Whether the media “shells of consciousnesses” are called on to remove the distance between the knower and the known or vice versa, do they become a way of articulating it? The notion of “distance” has an inevitable double meaning: it both disconnects and inter-connects. From this point of view, distance is a *conditio sine qua non* of the medial phenomenon as such. The space of our reflections is perceived by three semantic points, two of which are associated with allusions encrypted in the phrase “medium and distance” (essay by Fritz Heider “Thing and Medium” and the book of Jean-Luc Marion “Idol and Distance”), while the third point is connected to Walter Benjamin’s definition of the aura as a “unique phenomenon of a distance, however close it may be”. The destruction of the aura “in the age of mechanical reproduction”, gives rise to the euphoria of the total removal of spatial, temporal, and mental distances. That’s why we must return to the experiences of reflections on the problems of distance which brings together, and proximity which alienates (“The Sickness unto Death” by Søren Kierkegaard, “Thing” by Martin Heidegger). However, the old-fashioned, sublime pathos of thinking about the metaphysics of “distance” is now increasingly giving way to suffocating reductions and speculations about the “human, all too human” world. One of the main questions of the utterly “medialized”, “virtualized”, and “digitalized” consciousness in the beginning of 21st century, with its immersion toward a dangerous illusion of proximity and accessibility of knowledge, is the question of the (dis)ability to maintain a life-saving insuperable distance: both “stored” and “stores”, between hearing and hearable, vision and visible, thinking and thinkable.

Key words: Medium, media, medialized, distance, approximation, alienation, destruction of the aura

«Все временные и пространственные дали сжимаются». Этими словами более полувека тому назад начал свой доклад в Баварской академии изящных искусств Мартин Хайдеггер, рассуждая о «пределе устранения малейшего намека на дистанцию», достигаемого современной ему техникой, и сетуя на то, что «человек отныне ставит все на минимальном отстоянии от

себя»¹. Сегодня стало едва ли не трюизмом утверждать, что в XX

¹ Текст этого доклада, прочитанного в 1950 году, спустя четыре года был включен в сборник «Доклады и статьи» под названием «Вещь». См.: Хайдеггер М. Вещь // Время и бытие: Статьи и выступления / Мартин Хайдеггер ; Пер. с нем. В. В. Библихина. — М.: Республика, 1993. — С. 316.

веке мир вступил в стадию «утраты дистанций», во времена назойливых попыток схватить, присвоить и донельзя приблизить к себе мир, сделав его подручным и понятным, всецело прозрачным для *ratio*, комфортным, податливым и открытым для тотального обладания. «Оптический горизонт отступает, глубина времени растушевывается»², — перед этими и им подобными утверждениями медиа-теоретики скромно добавляют: «как известно», «принято считать», «неоднократно отмечали».

Что такое «потеря чувства дистанции»: пленительный соблазн или неизлечимая болезнь дигитальной эпохи, которая вполне могла бы выбрать в качестве *credo* нечто вроде: «в мире *New Media* все доступно и все дозволено»? Сжатие мира, схлопывание пространства, свернутость времени — расхождение метафоры, так или иначе сопряженные с переосмыслением природы новой медиа-реальности, которая сплела в хиазме внутренне-внешнего объективированный мир и его субъективное переживание так, что не осталось больше «ни дали, ни близи» и нам остается разве что с пафосом до бесконечности нанизывать на четки сознаний, вслед за философом, примерно такие риторические вопросы: «Что же тут происходит, когда из-за устранения больших расстояний все встает в одинаковой дали и одинаковой близи? Что такое это единообразие, где все ни близко, ни далеко, словно лишилось дистанции?»³.

Смысл «дистанции» неизбежно двояк: она столь же разъединяет, сколь и со-единяет. И, с этой точки зрения, дистанция — *conditio sine qua non* феномена медиальности как такового. Переходя от редукционистского, столь часто подвергающегося критике, «инструментального» понимания природы медиальности (где «медиум» представляется не более чем техническим приспособлением, аппаратом, передающим сообщение от адресанта к адресату) к «онтологизирующему»⁴ пониманию «медиум» как универсальной формы посредничества, зададимся вопросами: Как связаны между собой концепты «медиум» и «дистанция»? Призваны ли «медиаальные оболочки» вещей и сознаний снимать дистанцию между познаваемым и познающим или, напротив, становится способом ее артикуляции?

Вещь и Медиум

Наверное, первым, кто связал воедино размышления о «медиуме» и «дистанции», был австрийско-немецкий гештальт-психолог Фриц Хайдер. Задолго до того, как он станет известен в качестве исследователя интерперсональной перцепции, автора «теории атрибуции» и концепции «баланса», тридцатилетний Хайдер (побывавший в Берлине, связавший свои исследования с Гамбургским университетом и успевший испытать влияние Курта Левина и Эрнста Кассирера) в 1926 году в журнале «Симпозиум» опубликовал эссе «Вещь и Медиум»⁵, в котором предложил некую материальную данность, исполняющую функции опосредования, называть словом «медиум», а саму опосредованную данность — словом «вещь». В зеркальной игре смысловых

взаимопревращений скрывая собою вещь, медиум способен ее явить. И наоборот: являя собою вещь, медиум ее скрывает.

Развивая эту мысль, заметим, что в принципе любая «вещь» может послужить «медиумом», если она, в свою очередь, скрывает и тем самым являет собою другую «вещь». Совершенно очевидно, что само свойство медиальности вовсе не принадлежит ни вещи, ни взгляду, на нее направленному: это всего лишь ситуативная переменная, зависящая от возможности перемены взгляда «на» (вещь) взглядом «через» (медиум). И в этом смысле пронцаемость (не столько для зрения, сколько для умо-зрения — степень прозрачности вещи для направленного на нее сознания — способна превратить ее в медиальную оболочку. Слово — «медиум» молчания, письмо — «медиум» слова, печатная книга — «медиум» рукописи, электронный гипертекст — «медиум» книги... Этот ряд медиальных «расширений» чем-то напоминает встроенные друг в друга медиа-сферы Режи Дебре (мнемосфера — логосфера — графосфера — видеосфера — гиперсфера...)⁶. Перед нами — слоистая структура медиальных оболочек смысла, сквозь которые он титится прорваться в сознание, преодолевая дистанции неизбежного овеществления.

Мерцающая двусмысленность вещи/медиума — один из возможных ответов на ключевой вопрос упомянутого эссе Фрица Хайдера: «Как происходит, что мы через непосредственно данное можем узнать нечто Другое?». Еще один ответ состоит в том, что через непосредственно данное (близ-лежащее) мы можем узнать нечто Другое (от-даленное) лишь при условии наличия дистанции. Речь идет, разумеется, не только о пространственной, но и о мыслительной, «конституирующей смысл», дистанции.

Спустя четыре года, в 1930-м, размышляя над природой искаженного, «аппаратного» зрения (взгляда сквозь объективы, фильтры, линзы телескопов и микроскопов) Фриц Хайдер предложил свою структурную модель «перцепции-сквозь-объектив», в которой двумя крайними позициями оказываются «вещь-мир» и «человек», столь же разделенные, сколь и соединенные между собой «медиумом» объектива как дистанцией (в свою очередь, включающей «проксимальную» — приближенную и «дистальную» — отдаленную от человека области)⁷. Здесь «медиум» — не что иное, как сама по себе дистанция опосредования, играющая двойственную роль — отдаляющего приближения, или приближающего удаления. Медиум как причина и следствие того, что можно назвать «зиянием дистанции», — одновременно и связь, и разрыв, «скачок бесконечной длительности» между человеком и объективированным, отчужденным миром как вещью-в-себе.

Словно пытаясь заранее проиллюстрировать остроумно подмеченную Жаном Бодрийяром парадоксальность того факта, что «необъективность» мира наиболее явно выявляется именно с помощью «объектива» (*objectif*)⁸, Фриц Хайдер наметил принци-

² Дебрэ Р. Введение в медиологию / Режи Дебрэ ; Пер. с франц. Б. М. Скуратова. — М.: Практикс, 2010. — С. 21.

³ Хайдеггер М. Цит. соч. С. 316.

⁴ Немецкий медиа-философ Дитер Мерш называет такой подход «метафорологическим», противопоставляя «метафорологию медиальности» Кристофа Толена «медиа-материализму» Фридриха Киттлера.

⁵ Heider F. Ding und Medium / Fritz Heider // Symposium. — 1926. — № 1. S. 109–157.

⁶ Дебрэ Р. Цит. соч. С. 80–81.

⁷ См. об этом более подробно: Wolf B. Fritz Heider and Egon Brunswik. Their lens models. Origins, similarities, discrepancies // Nineteenth Annual International Meeting of the Brunswik Society: 100th Anniversary of Brunswik's Birth. — Vancouver, British Columbia, Canada, 2003 / Bernhard Wolf. — <http://www.albany.edu/cpr/brunswick/notes/HeiderBrunswik-Wolf2003.pdf>.

⁸ Эта мысль Бодрийяра в эссе о «Фотографии, или Письме света», звучит так: «Чудо фотографии, ее так называемое объективное изображение, является радикальным выявлением необъективного мира.

пиальную схему «объективного» представления об «отсутствии объективности» как следствия эффекта медиальности. Пресловутое «расширение», открытость человеческого опыта вовне и само по себе наличие медиальной дистанции в идеограмме Хайдера таят возможность *де-, пре-, транс-*формаций образа мира как «отсутствующего» объекта, *по-*степенно и *по-*ступенно переходящего в «присутствие» через прохождение ряда полупрозрачных оболочек — границ-барьеров (линз), благодаря чему мир-как-вещь претерпевает своего рода перцептивную метаморфозу и оставляет в сознании свой искаженный «след».

Заметим, что впрямь Фриц Хайдер (посвятивший все свои дальнейшие штудии и в Европе, и в США, различным аспектам гештальт-психологии межличностных отношений) не будет возвращаться к заманчивой «медиумической» теме, которая останется на периферии его исследовательского интереса. Однако, как ни странно, именно интуициям Хайдера о связи «вещи», «медиума» и «дистанции» — как своего рода «случайному», отброшенному «краеугольному камню мысли» — дарована участь посмертного воскрешения: спустя восемьдесят лет эссе «Вещь и Медиум» будет издано в Берлине в виде самостоятельной книги⁹, а модель «объектива» по Хайдеру окажется не только актуальной темой психологических рефлексий, но и изящным трамплином для теоретических прыжков в головокружительные бездны проблемы сдвоенности — дали-и-близости в понимании соотношения «вещи», «медиума» и «дистанции».

Даль и Близь

Даль и близь, дистанция и ее отсутствие — темы, как минимум, двухсотлетних философских рефлексий, одним из безутешных результатов которых, похоже, вполне могло бы стать признание, что дистанция между человеком и вещью в современном мире более невозможно ни снять, ни восстановить, ни утратить, ни обрести. Ибо снятие дистанций оборачивается для человека эпохи телеприсутствия и экранных призраков онлайн-коммуникаций не более чем фантомом — иллюзорным и чреватым горьким привкусом разочарования эффектом игр медиальности с ее излюбленными подменами подлинного его подобиями, следами и эрзацами. Но и, увы, обретение потерянных дистанций — также всего лишь фантазм, нереализуемая утопия, несбыточная надежда вернуть в сознание неумолимо иссякающее чувство реального.

Должно быть, любой исследователь, затеявший размышление на тему «медиум» и «дистанция», не может не совершить ритуальное вызывание духа беспокойного, меланхоличного, неудачливого, бесприютного и «неуместного» мыслителя-фланера¹⁰, во вспышке посмертной славы окрещенного первым

европейским теоретиком медиа¹¹. Один из наиболее известных концептов Вальтера Беньямина, «аура», парадоксален, загадочно расплывчат и так же, как понятия «медиум» и «дистанция», лишен субстанциональности. Смыслы этих и им подобных концептов неизбежно проваливаются в паузы промежутков и расщепы между-мирий, приоткрываясь лишь в «игре отношений». Все они — знаки соотнесений, следы сопоставлений, отзвуки соответствий. Именно странная и неуловимая «поэтика реляций» их и сближает: «медиум» — одна из фигур «ауратичности», а последняя — эпифеномен «дистанцирования».

И здесь самое время обратиться к тому более чем известному факту, что «ауру» Беньямин определяет через неискоренимое противоречие, которым окутана тайна переживания феномена дистанции: «...ауру можно определить как уникальное ощущение дали, как бы близок при этом предмет ни был»¹². Беньямина «аура» эфемерна, лишена привязки к предметному миру и связана, скорее, со спецификой ситуации перцепции, чем со свойством того предмета, который воспринимается. «Даль» и «близь» здесь не столько противостоят друг другу, сколько пытаются подменить друг друга в отчаянных инверсиях *esse* и *videri*: если «близь» реальна, то «даль» символична, если «близь» ошутима, то «даль» — всего лишь открытость игре памяти и воображения, распространенность в мире кажимости. Иными словами, «близь» призвана «быть», а «даль» — «казаться».

В немецком оригинале у Беньямина это противостояние «дали» и «близости» выражено через оппозицию «*Ferne*» и «*nah*»¹³, причем близость («*nah*») в беньяминовском определении «ауры» семантически соседствует с бытием («*sein*»), а даль, «*Ferne*» — с «явлением», «симптомом», «внешним видом», «обликом», или даже «призраком» («*Erscheinung*»)¹⁴. Обратим внимание на интригующее понятие «*Ferne*» (даль), которое не столько само по себе, сколько в связке с «*Erscheinung*» (явление) похоже, и есть ключ к пониманию «ауры» как *воображаемого* «расстояния», *кажущейся* «дальности», *вымышленной* «далекости», *представляемой* «отдаленности», *мнимой* «отчужденности» — всего того, что можно было бы объединить одним словом «дистанция» с необходимым уточнением: это дистанция под знаком *als ob* — «как если бы», т. е. не просто дистанция как

Б. Дубина ; Пер. с англ. В. Гольшева и др. — М. : Русское феноменологическое общество, 1997. — 208 с.

¹¹ Именно таким Вальтера Беньямина стремится представить большинство медиа-теоретиков конца «девяностых» — начала «нулевых». См., например, *Benjamin W. The Work of Art in the Age of Its Technological Reproducibility, and Other Writings on Media* / Walter Benjamin ; Ed. by Michael W. Jennings, Brigid Doherty and Thomas Y. Levin. — Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2008. — 448 p. Автор понятия «медиаология» Режи Дебре неоднократно подчеркивал, что во Франции истоки медиа-теории принято возводить не к Маршаллу Маклюэну, а именно к Вальтеру Беньямину.

¹² Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе / Вальтер Беньямин ; Пер. с нем. — М.: Медиум, 1996. — С. 24.

¹³ «Diese letztere definieren wir als einmalige *Erscheinung* einer *Ferne*, so *nah* sie *sein* mag» (нем.) — (курсив наш. — Л.С.).

¹⁴ Здесь мы следуем традиции «ветвящихся комментариев» к знаменитому беньяминовскому эссе. См., например: *Benjamin W. Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit* / Walter Benjamin ; Kommentar von Detlev Schöttker. — Berlin: Suhrkamp Verlag, 2007. — 254 s.

Это парадоксально, что отсутствие объективности мира выявляется фотографической линзой». — См.: *Baudrillard J. La Photographie ou l'Écriture de la Lumière: Literalité de l'Image // L'Échange Impossible*. — Paris: Galilée, 1999. — P. 175. — (Пер. Арсена Меликяна).

⁹ *Heider F. Ding und Medium* / Fritz Heider. — Berlin: Kulturverlag Kadmos, 2005. — 128 p.

¹⁰ «Культурный образ» Вальтера Беньямина, ставший едва ли не «классическим» с легкой руки Ханны Арендт и Сьюзен Зонтаг: См.: *Арендт Х. Вальтер Беньямин* / Ханна Арендт ; Пер. с англ. Бориса Дубина // Иностранная литература. — 1997. — № 12 ; *Зонтаг С. Под знаком Сатурна* / Сьюзен Зонтаг ; Пер. с англ. Бориса Дубина // *Зонтаг С. Мысль как страсть: Избранные эссе 1960-70-х годов* / Сост., общ. Ред.

рас-стояние или от-стояние сознания от того, что оно воспринимает, но именно «кажущаяся», «мнимая», «переживаемая» и «ощущаемая» дистанция как своего рода протест против любой формы бытийного приближения.

Беньяминовская «ауратичность» отдаления близкого — та особая метафизическая дистанция, которую не измерить ни в одной из физических единиц измерения расстояния. Это эффект о-страненного и от-страненного сознания, свойство человека «одновременно жить в мире и от него отвернувшись», некая отрешенность как осознанно избранная позиция дистанцирования от реалий вещности и вещной реальности. Любопытно, что в английских переводах беньяминовская дефиниция «ауры», как правило, передается словосочетанием «уникальный феномен дистанции»: «*the unique phenomenon of a distance*»¹⁵. Так в постижении феномена медиальности понятия «аура» и «дистанция» неожиданным образом если не совпали, то, во всяком случае, тесно переплелись.

Разрушение ауры в «эпоху технической воспроизводимости» порождает эйфорию тотального снятия дистанций: пространственных, временных, дистанций созания — и в который раз возвращает нас к опытам рефлексий над проблемой дальности, которая сближает, и близости, которая отдаляет. Тенденция «потери ощущения дистанций», которую Беньямин лишь намечил, обозначив как характерную для «времени распада ауры», прорисовывается все более и более рельефно во времена всепроникающей экспансии электронных медиа. Все то же, некогда описанное Беньямином «страстное стремление “приблизить” к себе вещи как в пространственном, так и человеческом отношении»¹⁶, все та же подмена оригинала легкодоступными тиражированными копиями, все та же «тенденция преодоления уникальности любой данности через принятие ее репродукции», все та же «неодолимая потребность овладения предметом в непосредственной близости через его образ, точнее — отображение, репродукцию»¹⁷ — но только в ситуации умножения химерических образов «реальной виртуальности», «прецессии симулякров» и хитросплетений медиа-искусства, в которых иллюзия порождает иммерсию, а иммерсия становится иллюзией¹⁸; в ситуации экранно-цифровой вселенной, которая становится все более и более эфемерной, легковесной, иллюзорной, ускользающей и все более напоминающей своего рода зыбкое «искусство колебания», которое, говоря словами Джанни Ваттимо, рождается на полпути от «schok'a» Вальтера Беньямина до «stoss'a» Мартина Хайдеггера и призвано усмирить то «безосновное», «ослабленное бытие», что охвачено недугом «дереализации» — «эрозии самого принципа реальности»¹⁹.

¹⁵ «We define the aura of the latter as *the unique phenomenon of a distance*, however close it may be» (англ.) — (курсив наш. — Л.С.).

¹⁶ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. С. 24

¹⁷ Там же. С. 25.

¹⁸ Обыгрывая главную тему книги Оливера Грау (См.: *Grau O. Virtual Art: From Illusion to Immersion / Oliver Grau*; Transl. by Gloria Custance. — Cambridge, MA: MIT Press, 2003. — 416 p), мы полностью поддерживаем концепцию автора, но при этом полагаем, что само по себе «погружение» в мир иллюзий виртуальной реальности в «иммерсионном искусстве» — тоже не более чем иллюзия.

¹⁹ См.: Ваттимо Дж. Прозрачное общество / Джанни Ваттимо; Пер. с ит. Дм. Новикова. — М.: Логос, 2002. — С. 53–70, 83–102. (Серия

Горизонталь и Вертикаль

Если понятие «медиум» предполагает неизбежность разрыва «*бытия-между*» (отправителями и получателями посланий), а понятие «дистанция» означает некое «*расстояние-между*» различными точками, отделенными-и-отдаленными в пространстве или во времени, то существует достаточное основание утверждать, что беньяминовское понятие «аура» вырастает из идеи беспрестанного ристалища «*медиума*» и «*дистанции*». Это особая форма конфликтных отношений (скажем так: затрудненных «*реляций*», точнее, спорных «*кор-реляций*») между вещью и ее осознанием, при которой «*медиум*» стремится снять «*дистанцию*» между человеком и миром (или, в беньяминовской терминологии, «разрушить ауру»), а человек, напротив, лелеет надежду на возможность восстановить утраченную «*дистанцию*» (и тем самым уничтожить «*медиума*»), вернуть ощущение «дали» как необходимое условие переживания уникальности, подлинности, аутентичности мира, который словно бы расплывается, «теряет резкость» в «*близоруком*» — «профанизирующем» — осознании и фокусируется лишь при «*дальнозорком*» — «сакрализирующем» — ментальном взгляде.

Пока отдаление и сближение как изменчивые функции расстояния мыслятся между однотипными явлениями/предметами/объектами/субъектами, мы вынуждены оставаться в плену горизонтальных моделей понимания природы медиальности (медиальности как «*диа*», в концепции Дитера Мерша²⁰). Здесь «*медиум*» — некое скольжение по поверхности мира в имманентном топосе его вечно движущихся границ. Однако если предположить, что разделенные (и соединенные) дистанцией явления/предметы/объекты/субъекты могут оказаться несоизмеримыми-и-несоизмеримыми, «не-со-мирными друг другу», как, например, «*конечное*» и «*бесконечное*», «*смертное*» и «*бессмертное*», то перед нами — своего рода вертикальная модель понимания природы медиальности (медиальности как «*мета*», в терминологии Дитера Мерша). Здесь медиа — своего рода трансцендирование, обретение символической высоты и/или глубины. Горизонтальные дистанции, так или иначе, преодолимы, вертикальные — непреодолимы в принципе.

И здесь нельзя не вспомнить ту линию философствований о метафизике дистанции, что прочерчена от рассуждений Серена Кьеркегора о странной акустике духовного мира, в котором совпадают удаление и приближение, а *cominus* («рядом») и *eminus* («на почтительном расстоянии») меняются местами²¹ («*Болезнь к смерти*»), до парадоксальных пассажей Мартина Хайдеггера: «Да-

«*Ecce homo*») = Vattimo G. *La società trasparente / Gianni Vattimo*. — Milan: Garzanti, 1989. — 99 p.

²⁰ Мерш Д. Мета/Диа. Два различных подхода к медиальному / *Dieter Mersch*; пер. с нем. = *Mersch D. Meta / Dia. Zwei unterschiedliche Zugänge zum Medialen / Dieter Mersch // Zeitschrift für Medien- und Kulturforschung: Medienphilosophie*. — 2010. — № 2. — http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/mersch_dia.

²¹ «И, однако, необходимо, чтобы человек удалился от Бога еще на шаг, который изменит саму его природу, чтобы он смог наконец говорить с Богом так и чтобы тот его выслушал; чтобы бороться так *cominus*, он должен быть *eminus*, ибо такова странная акустика духовного мира, таковы странные законы, которые управляют его расстояниями!» — восклицал датский философ, устанавливая правила мерцающей «игры дистанций» в пульсации взаимных обращений *cominus* и *eminus*. См.: Кьеркегор С. *Болезнь к смерти // Страх и трепет / Søren Kierkegaard*; Пер. с дат. С. А. Исаева. — М.: Республика, 1993. — С. 335.

СТАРОДУБЦЕВА Лидия Владимировна / Lidia STARODUBTSEVA

| Медиум и дистанция |

лекое хранимо близостью»²², «Что такое близость, если вместе с ее отсутствием куда-то делась и даль?»²³ («Вещь»). Мысль позднего Хайдеггера течет по законам апорий и антиномий: «Но спешное устранение всех расстояний не приносит с собой никакой близости; ибо близость заключается не в уменьшении отдаленности. Что пространственно оказывается в минимальном отдалении от нас благодаря кинокадру, благодаря радиоголосу, может оставаться нам далеким. Что непредставимо далеко в пространстве, может быть нам близким. Малое отстояние — еще не близость. Большое расстояние — еще не даль. Что такое близость, если она нам не дается несмотря на свертывание длиннейших расстояний до кратчайших дистанций? Что такое близость, если непрерывное устранение всех расстояний даже отгоняет ее?»²⁴.

Возможно, именно эти строки инициировали неохайдеггерянский философско-теологический размышления Жана-Люка Мариона, призывающего научиться «обитать в дистанции» («habiter la distance») ²⁵. Сквозные мотивы его книги «Идол и Дистанция»²⁶ — удаленность и хранение дистанции в отказе от «непосредственного схватывания» абсолютной реальности, онтологическая неустранимость дистанции — одновременно «хранимой» и «хранящей» человека — особой «дистанции взыскемого» («la distance du réquisit») ²⁷. Вслед за Хайдеггером («Близость приближает далекое, а именно как далекое»²⁸) Марион оказывается ниспровергателем того присваивающего, расколдовывающего, все-укрошающего и все-упрощающего, *pri*-ближающего взгляда на мир, которое неизбежно приводит к созданию идолов и идолопоклонству. Совершая изящные экскурсы то в поэзию Гельдерлина, то в мистицизм Дионисия Ареопагита, Марион воздает хвалу поэтике дистанции: страстно воспекает почтительное *от*-даление — созидание «икон дистанции» (la distance et son icône) ²⁹.

Однако при каком условии «медиум-как-преграда» («идол дистанции») может превратиться в «медиум-как-проводник» («икону дистанции»)? Должно быть, при условии, что разрывающаяся «медиумом» бездна разрыва между человеком и несхватываемой, вечно ускользающей, невербализуемой и нетранслируемой реальностью окажется не просто пока еще не преодоленной (горизонтальной), но и принципиально непреодолимой (вертикальной) дистанцией. Возможно, именно зияние таких дистанций и определяет зазор между сущностью и существованием, вынуждая человека жить в извечном пространстве несовпадений, в щелях между «бытием» и «сущим».

* * *

Человек и жаждет, и страшится снятия дистанций. Не потому ли, что разрыв защитного медиального покрова чреват прикос-

новением к тому, что внушает «страх-и-трепет», грозит ощущением абсолютной открытости, незащищенности и наготы? И это совлечение медиальной оболочки — не горизонтальная открытость невозможного «прозрачного общества», а вертикальная прозрачность — «икона снятия неодолимых дистанций», выход из тумана сокрытия в зону всеохватной видимости, в «паноптикум» тотального и бесконечности.

Очевидно, «медиум» появляется там и тогда, где и когда разверзается «дистанция», которую необходимо преодолеть (так появляется письмо, чтобы соединить пишущего и читающего; так появляется музыка, чтобы связать извлекающего звуки и того, кто им внимает; так появляется рисунок, чтобы объединить рисующего и смотрящего). И, с этой точки зрения, именно опыт снятия «дистанции» призывает «медиума» и дает ему возможность сблизиться. Однако разве не справедливо и обратное: только там и тогда, где и когда появляется «медиум», «дистанция», по сути, и становится ощутимой?

«Медиум» *про*-являет, *вы*-являет, *пред*-являет «дистанцию», которая осознается в качестве непреодоленной или непреодолимой не вопреки, а благодаря «медиуму» (так записи умершего друга лишь обостряют боль утраты, а фотографический образ как «микроопыт смерти»³⁰, невольно «убивая» все живое, подчеркивает необратимость времени и безвозвратность мига). Ибо «медиум» упраздняет всевозможные расстояния — будь то дистанции во времени, пространстве или сознании — всего лишь символически, при этом даря и храня саму по себе возможность переживания «уникального феномена дистанции».

Несмотря на множество аналогий, смысловых переключек и «точек схождения» между понятийными полями концептов «медиум» и «дистанция», они всегда были и остаются непримиримыми концептуальными соперниками и уничтожают каждый самого себя в борьбе за власть друг над другом: «медиум», чтобы осуществиться в качестве медиума, должен снять «дистанцию», а «дистанция», чтобы утвердить и сохранить себя именно в качестве дистанции, должна упразднить «медиума». Нигилистическая онтология медиальности исчезающих дистанций может быть сформулирована просто: «медиум существует благодаря дистанции», «благодаря медиуму дистанция осознается, исчезая».

Старомодная возвышенная патетика размышлений о «дистанции» сегодня все чаще уступает место удушливым редуциям и спекуляциям мира «человеческого, слишком человеческого». Одним из главных вопросов донельзя «медиализированного», «виртуализированного» и «дигитализированного» сознания начала XXI столетия, погруженного в опасную иллюзию близости и доступности знания, становится вопрос о (не)возможности хранить спасительную дистанцию: «хранимую» и «хранящую», неустранимую дистанцию между слышащим и слышимым, которая конституирует само «слышание»; дистанцию между видящим и видимым, которая делает возможным само «видение»; дистанцию между мыслящим и мыслимым, без которой невозможно само «мышление».

³⁰ Барт Р. Camera Lucida: Комментарий к фотографии / Ролан Барт; Пер. с фр., послесл. и комм. М. Рыклина. — М.: Ad marginem, 1997. — С. 5.

²² Хайдеггер М. Цит. соч. С. 323.

²³ Там же. С. 316.

²⁴ Там же.

²⁵ Марион Ж.-Л. Идол и дистанция / Жан-Люк Марион; Пер. с фр. Г. Вдовиной // Символ. — Париж-Москва, 2009. — Т. 56. — С. 150.

²⁶ Вышедшей в 1977 году и с тех пор неоднократно переиздававшейся (русский перевод опубликован в 2009-м).

²⁷ Марион Ж.-Л. Цит. соч. С. 170.

²⁸ Хайдеггер М. Цит. соч. С. 323.

²⁹ Марион Ж.-Л. Цит. соч. С. 232–288.

